

РАСКОЛ В МЕНЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ В 1918 ГОДУ

© 2019 Э.В. Костяев

Саратовский государственный технический университет имени Ю.А. Гагарина

Статья поступила в редакцию 26.02.2019

В статье проводится детальный анализ шедших как до, так и после прихода к власти большевиков ожесточенных дискуссий между лидерами «интернационалистского» и «оборонческого» течений меньшевистской партии. Показано, что эти дискуссии помешали меньшевикам объединиться для борьбы против установившейся в конце 1917 года коммунистической диктатуры, занять в виде единой монолитной структуры более влиятельное положение в новой революционной власти и в конечном итоге приведших к окончательному расколу меньшевизма, который обрек его лидеров на роль бессильной и почти безгласной оппозиции большевистским правителям.

Ключевые слова: раскол, РСДРП, меньшевизм, интернационализм, оборончество.

В современных условиях весьма актуальной является тема существования в ходе революционных событий 1917 года альтернативных путей развития, которые предлагали тогда в основном либо представители высшего генералитета, либо руководители различных политических партий России. Одной из них была меньшевистская, лидеры которой, к примеру, Ираклий Церетели, в первые месяцы после Февральской революции имели большое влияние на принятие важных государственных решений новыми революционными властями. Однако занять более устойчивое и влиятельное положение во власти меньшевикам и в 1917 году, и позже мешала их склонность к расколам. На протяжении львиной доли истории своего существования они отличались отсутствием организационного единства и жестко централизованного руководства.

Очередное крупное размежевание в их рядах произошло после Октябрьского переворота 1917 года. 3 ноября меньшевики-«оборонцы» сделали решительный шаг к организационному оформлению партийного раскола. На заседании Бюро их Изби-

рательного комитета было решено созвать свою общероссийскую конференцию (в том числе под лозунгом необходимости обороны страны), а ее подготовка легла на плечи Петра Голикова, Бориса Кольцова (Гинзбурга) и Владимира Левицкого (Цедербаума). Обращаясь ко всем членам Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) (объединенной), Избирательный комитет меньшевиков-оборонцев назвал решение Центрального комитета (ЦК) во главе с Юлием Мартовым (Цедербаумом) и Федором Даном (Гурвичем) принять участие в формировании совместно с большевиками однородного социалистического правительства изменой интересам Родины и революции и призвал сознательную часть российского пролетариата искать спасение «в объединении всех живых сил народа» для защиты республики от внешнего и внутреннего разложения, а также в образовании, «совместно с другими творческими слоями, как демократическими, так и цензовой России, общенациональной власти, способной спасти страну от большевистского и германского разгрома...». В тот же день собрание меньшевиков-«оборонцев» в количестве 225 человек, созванное Избирательным комитетом, ознакомившись

Костяев Эдуард Валентинович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Отечества и культуры. E-mail: edikost@bk.ru

с декларацией членов ЦК, покинувших его ряды в знак протеста против сближения его руководства с большевиками, всячески приветствовало этот «мужественный шаг товарищей»¹.

Впрочем, приехавший в начале ноября из Грузии лидер «революционных оборонцев» Ираклий Церетели сумел убедить их вернуться обратно. 11 ноября восемь бывших членов ЦК из десяти вышедших подали заявление о том, что, оставаясь на прежних позициях, они возвращаются в ЦК, ибо «в настоящее время переговоры между ЦК нашей партии и большевиками прерваны». Борис Батурский (Цейтлин), Петр Гарви (Бронштейн), Кузьма Гвоздев, Леон Гольдман, Константин Ермолаев, Софья Зарецкая, Александр Смирнов и Филипп Юдин считали необходимым пойти на такой шаг, чтобы внутри ЦК отстаивать свою «точку зрения по вопросу о создании власти, а также противодействовать уклонениям политической линии партии, намеченной на Августовском съезде, в сторону так называемого «интернационализма»». 14 ноября центральный орган меньшевиков «Рабочая газета» опубликовал письмо Матвея Скобелева о присоединении к данному заявлению, а 24 ноября в газете «Пламя» появилось аналогичное письмо и от Михаила Либера (Гольдмана). Заявлений Бориса Богданова и Петра Голикова о возвращении в состав ЦК мы не обнаруживаем. Что же касается Павла Колокольникова, то он не только не посчитал нужным вернуться, но и выступил 11 ноября с публичным обоснованием своего отказа войти обратно в ЦК, «который своим участием в переговорах с большевиками о совместной организации власти содействовал затяжке большевистской авантюры, губящей революцию и ведущей страну к позорному сепаратному миру...»².

Меньшевистский историк Григорий Аронсон полагал, что именно в результате протеста вышедших из ЦК «оборонцев», поддержанного «довольно широкими кругами партии», и получило свое начало «новое течение в РСДРП, которое вышло из

оборонческих источников, но в своем развитии обросло и другими элементами, вербуя себе сторонников среди наиболее непримиримых противников большевизма: ... Аксельрод, Астров, Биншток (в начале Февральской революции оказавшийся вместе с Лариным на крайнем циммервальдском фланге)». Это «непримиримое крыло социал-демократии, сложившееся после октябрьского переворота в качестве меньшевистской правой», на протяжении долгих лет большевистской революции самоопределилось как «последовательный принципиальный противник большевизма»³.

На прошедшей в Петрограде 11 и 18-19 ноября конференции меньшевиков-«оборонцев», где присутствовали представители всех районов в количестве 75 человек, а также представители руководившейся Г.В. Плехановым социал-демократической организации «Единство», латышских «оборонцев» и Всеобщего еврейского рабочего союза в Литве, Польше и России (Бунда), подавляющее большинство делегатов высказалось за создание самостоятельной партийной организации, которая приняла бы участие в таком качестве в предстоявшем партийном съезде. На заседании 18 ноября делегатами на будущий съезд были избраны лидер меньшевиков-«оборонцев» Александр Потресов, а также И. Дементьев, В. Левицкий и М. Мысков, а 19 ноября на конференции было оформлено создание Петроградской организации социал-демократов меньшевиков (оборонцев). Избирательному комитету, руководившему районной кампанией в Учредительное собрание, было поручено временно выполнять обязанности Петроградского комитета организации (до избрания его нового состава, произошедшего 9 декабря)⁴.

В докладе о текущем моменте на Петроградской конференции меньшевиков-«оборонцев» А.Н. Потресов констатировал весьма печальный факт, что ход революции в течение восьми месяцев обнаружил неподготовленность общественных сил, взявших на себя строительство новой России,

к разрешению поставленных перед ними историей задач. Буржуазия, в частности, в целом не сумела отрешиться от узкоклассовой своекорыстной политики при решении основных социальных вопросов, а также вопросов войны и мира, подменяя общие интересы всего государственного целого интересами одной группы. Рабочий класс же, наиболее сознательная и квалифицированная часть которого находилась на фронте, объединил в своих рядах вместе с профессионально-пролетарскими группами массы выходцев из деревни и городского мещанства. Это насыщение пролетарской среды элементами, чуждыми идеологии и тактике рабочего классового движения, крайне понизило уровень политического сознания рабочих масс и облегчило, в силу крайней неустойчивости их настроения, распространение в пролетарской среде анархистских и бунтарских идей и стремлений: «В силу этого, – отмечал Потресов, – а также вследствие политической отсталости, некультурности и неорганизованности демократии в целом ее передовые круги, стоявшие на государственной точке зрения, были оттеснены на задний план стихийным движением широких масс»⁵.

Политическая и организационная слабость российского пролетариата, указывал А.Н. Потресов, позволила массам крестьянства и солдатчины сыграть исключительную роль в событиях революционного времени: «Выступление этих, лишенных всяких политических навыков и партийных традиций, масс, – говорилось в его докладе, – было вызвано к жизни их безотчетным и смутным стремлением к социальному поравнению и их безудержным стихийным тяготением к миру какою угодно ценой, тяготением, в котором не было ни малейшего политического содержания, а лишь простое стремление во что бы то ни стало сбросить с себя тяготы войны». Вековое рабство, исторически выросшая пропасть между низами и «командующими классами», общая отсталость деревни, ее глубокое недоверие к городской «барской» культуре, наличие в массах чув-

ства сословной и классово-ненависти вместо действительного классового сознания – все это и придало «движению крестьянско-солдатской и пролетарской массы характер слепого бунта, разрушающего самые основы политического, хозяйственного и культурного развития России». Неизбежным последствием такого положения дел был конфликт между сознательной частью революционной демократии вместе с передовыми группами рабочего класса с широкими массами деревенского и городского мещанства. Это столкновение и увлекло, по мнению Потресова, революцию по нисходящей линии, все более сужая ее социальную основу, питая непрерывный кризис власти, и обрекло на неудачу все попытки найти для страны выход из тяжелого внешнего и внутреннего положения: «Единственный путь спасения, – говорил он на конференции, – путь общенационального объединения всех тех групп и классов, которые заинтересованы в свободном и беспрепятственном развитии производительных сил страны, и как вывод из этого – организации действительной коалиционной власти – этот путь после длительных колебаний был оставлен революционной демократией, поддавшейся влиянию буйно разрастающейся стихии»⁶.

Указанные условия, в которых происходила российская революция, отмечал А.Н. Потресов, и дали возможность большевизму, выступавшему «в роли выразителя и представителя чаяний и стремлений наиболее отсталых народных масс, опираясь на штыки гарнизонов и бесцеремонно эксплуатируя народную темноту, одержать победу над демократией и овладеть властью путем вооруженного мятежа»⁷. Придя к власти в силу поддержки главным образом солдатской массы, большевики, «купившие популярность потворством инстинктам и требованиям отсталых масс», но лишенные поддержки в среде не только буржуазии, но и политически сознательных и организованных кругов мелкой буржуазии и пролетариата, вынуждены были встать на путь террора в борьбе за свою диктатуру. Вос-

пользовавшись в своих целях стихийным бунтом масс, тайные и явные монархисты и черносотенцы примкнули к большевикам, придали движению октябрьских дней характер «открытого и последовательного похода против всех завоеваний революции» и стремились перевести этот направленный против городской культуры бунт в «погром, обращенный своим острием против инородцев и интеллигенции»: «Пользуясь непреодолимым стремлением масс к миру на любых условиях, – подчеркивал Потресов, – германский генеральный штаб использует в своих целях это настроение, содействуя всеми мерами дезорганизации нашей армии, разложению ее дисциплины, борьбе между ее командным составом и солдатской массой, дабы тем самым вывести Россию из строя, принудить ее к сепаратному миру и обеспечить торжество германского империализма»⁸.

При таких условиях процесс хозяйственного разорения страны, падения и уничтожения ее производительных сил, роста продовольственной, транспортной и промышленной разрухи, сливаясь с процессами распада общественных сил и мобилизации контрреволюции под маской социалистического переворота, с неизбежностью вел Россию, по убеждению А.Н. Потресова, через безработицу, голод, нищету, стихийные погромы и бунты к полному разгрому завоеваний революции и в первую очередь завоеваний пролетариата, а также «к сепаратному миру, неизбежному в условиях фактического уничтожения армии и паралича всей торгово-промышленной жизни государства». Перед лицом этой катастрофы, грозившей задержать на долгие годы не только развитие рабочего движения в России, но и всего международного социал-демократического движения, Петроградская конференция меньшевиков-«оборонцев», считал Потресов, должна была констатировать, что «очередной общенациональной задачей является решительная борьба всех представленных в Учредительном собрании государственных сил

страны за избавление России от большевистской узурпации ... и за всеобщий мир против сепаратного»⁹. Конференция единогласно приняла тезисы доклада Потресова, поручив ему, вместе с Б. Кольцовым, В. Левицким, Е. Маевским (Гутовским) и М. Мысковым, составить на их основе резолюцию, что и было сделано. Среди прочего в ней говорилось, что «политика сепаратного мира, практикуемая большевиками, нанесет непоправимый ущерб политической и экономической самостоятельности России, сделает ее ненавистной передовым европейским демократиям, усилит германский империализм и на многие годы сделает невозможным возрождение самостоятельного рабочего движения в Германии и восстановление Интернационала»¹⁰.

На предстоявшем же партийном съезде задачей меньшевиков-«оборонцев» являлось, по мнению А.Н. Потресова, объединение всех уцелевших от «максималистского поветрия» социал-демократических элементов партии и «решительная как идейная, так и организационная борьба за освобождение партии из плена так называемого «интернационализма», задерживающего превращение российской социал-демократии в действительно рабочую партию, опирающуюся на классовую самостоятельность основных кадров промышленного пролетариата и на теоретическое учение марксизма». В принятой конференции после доработки тезисов доклада Потресова резолюции «О необходимости противодействия большевистской политике» к этому было добавлено, что если партия в своем большинстве окажется неспособной «встать на этот единственный путь, который может спасти ее от политического и организационного разложения, и снова поплетется за интернационалистами», то меньшевики-«оборонцы» «во имя чести социал-демократии и сознательного пролетариата России, не должны останавливаться перед выходом из партии для образования действительно с[оциал]-д[емократической] рабочей партии»¹¹.

Первым организационным шагом «оборонцев» на пути «освобождения партии из плена так называемого «интернационализма» было создание клуба «Рабочее знамя». Предложение организовать клуб, который служил бы «базой меньш[евистско]-оборон[ческих] верхов», прозвучало 28 октября 1917 г. на заседании Бюро Избирательного комитета меньшевиков-оборонцев из уст Леонида Пумпянского, а на заседании комитета 14 ноября для разработки Устава клуба была выбрана комиссия в составе Брейдо, Жильцова, Икова, Кольцова и того же Пумпянского¹². Учредительное собрание клуба «Рабочее знамя» состоялось 25 ноября.

На открытии присутствовало свыше 100 членов-учредителей, а в президиум собрания были избраны Б. Батурский и П. Голиков. Последний приветствовал собравшихся от редакции журнала «Рабочая мысль»¹³, отметив, что «наконец-то, после долгих мытарств, меньшевикам-оборонцам удалось создать центр своего объединения, перед которым открывается непочатое поле деятельности». От имени Бюро по организации клуба с докладами выступили Владимир Иков и Иван Дементьев. Первый остановился на роли клуба как организационно-партийного центра, целью которого являлось «сплочение под знаменем меньшевизма кадров рабочей и профессиональной интеллигенции, подготовка партийных работников, содействие оформлению их политических взглядов и содействие организации в ее работе». Второй же остановился на другой стороне будущей работы клуба – на поднятии общекультурного уровня развития его членов. Миней Хейсин от имени Бюро изложил общие основы плана работ клуба, где были намечены организация партийной школы, устройство политических собеседований, организация всякого рода лекций, рефератов и докладов, устройство литературных вечеров, создание библиотеки-читальни и др. И, наконец, после принятия Устава были проведены выборы в Правление и Ревизионную комиссию. В Правление

клуба «Рабочее знамя» вошли Б. Атурский, П. Голиков, А. Ершов, П. Жильцов, В. Иков, М. Мысков, Е. Трифонова, Е. Федорушкова, М. Хейсин, А. Шарек, А. Эфилов и Ф. Юдин, а в Ревизионную комиссию – А. Владимиров, А. Емельянов, В. Потоцкий, А. Розенштейн и А. Смирнов¹⁴.

Следующий шаг на пути, конечным пунктом которого было на предстоящем съезде «постараться вырвать партию из рук полубольшевиков-интернационалистов, завладевших ею», последовал накануне начала его работы – 29 ноября Бюро Избирательного комитета меньшевиков-оборонцев приняло решение приступить к изданию собственной ежедневной газеты¹⁵.

Поставленная во второй половине ноября цель постараться вырвать партию из рук завладевших ею «полубольшевиков-интернационалистов» находившимися на Чрезвычайном съезде РСДРП (объединенной) в вопиющем меньшинстве «потресовцами» достигнута не была. Собравший всего 12 голосов проект резолюции А.Н. Потресова о войне и мире съездом за основу принят не был. Большинство на нем получила резолюция, предложенная Ф.И. Даном. При первом голосовании 5 декабря она получила 51 голос «за» и 47 – «против» при одном воздержавшемся, но окончательное голосование, судя по газетным отчетам, дало другой результат: «за» – 62, «против» – 7, воздержалось – 10. Г. Аронсон писал по этому поводу: «По-видимому, к этому времени правые меньшевики не только убедились в победе левого большинства на съезде, но в их рядах стали укрепляться сомнения, в какой мере возможна дальнейшая совместная работа. Эти сомнения приводили их к абсентеизму во время голосований: они перестали в них участвовать»¹⁶.

Предположение Г. Аронсона относительно наличия к тому времени у правых меньшевиков сомнений в возможности дальнейшей совместной работы с их внутрипартийными оппонентами подтверждается тем, что, когда 7 декабря Чрезвычайный съезд приступил к выборам ЦК, группа

его делегатов в 22 человека во главе с А.Н. Потресовым воздержалась от голосования¹⁷. Их заявление на этот счет, поддержанное также 9 делегатами с совещательными голосами (Б. Батурский, Б. Богданов, П. Гарви, К. Гвоздев, Л. Гольдман, С. Зарецкая, К. Ермолаев, В. Левицкий и Ф. Юдин¹⁸), было мотивировано тем, что принятые съездом резолюции находились в резком противоречии со всей прежней меньшевистской тактикой, что выразилось, среди прочего, в признании возможности создания социалистического правительства и соглашения с большевиками для этой цели¹⁹.

30 декабря 1917 г. избранный на съезде членом ЦК Юлий Мартов писал меньшевику Павлу Аксельроду: «Фактически партийный аппарат перешел в наши руки, ибо не только крайняя правая (Потресов, Голиков и др.), но и просто правая (Либер, Богданов, Батурский, Зарецкая) объявили «бойкот» центрам ввиду «большевистского» уклона наших решений. «Большевизм» этот, конечно, заключается в том, что мы не считаем возможным от большевистской анархии апеллировать к реставрации бездарного коалиционного режима, а лишь к демократическому блоку, что мы за преторьянско-люмпенской стороной большевизма не игнорируем его корни в русском пролетариате, а потому отказываемся организовывать гражданскую войну против него и что мы отвергаем большевистскую «политику мира» во имя интернационал[ьной] акции пр[олетария]та за мир, а не во имя «восстановления согласия с союзниками», т.е. продолжения войны до весны или далее. Оборонческая оппозиция осталась в партии, основывает новую газету, но пока не борется с нами настолько резко, чтобы вызвать острый организационный конфликт. Церетели не пошел с ними, но и в ЦК отказался войти. ЦК образовался из интернационалистов и «центра» (в меньшинстве)»²⁰.

Кроме того, Петроградский комитет меньшевиков-оборонцев еще во время избирательной кампании в Учредительное собрание разослал по известным ему

«оборонческим» организациям РСДРП в провинции приглашения на общероссийскую конференцию «оборонцев», которую он приурочивал ко времени начала работы Чрезвычайного съезда. Предполагалось, что «оборонцы» приедут примерно 23 ноября и до съезда закончат свои совещания. Однако условия тогдашней действительности помешали успеху планировавшейся конференции, из ряда регионов делегаты вообще не смогли приехать. В результате прибывшие на Чрезвычайный съезд «оборонцы» устроили вместо конференции ряд совещаний со своим Петроградским комитетом, на которых вырабатывалась общая политическая линия и общая тактика на съезде.

В произнесенной на заседании 29 ноября речи при обсуждении темы о заключении мира, отвечая на вопрос, возможна ли была тогда вообще работа по восстановлению боеспособности армии ради возможности защиты страны от неприятеля, А.Н. Потресов напомнил собравшимся об утверждении военного министра Временного правительства генерала Александра Верховского, что путем демобилизации и значительного сокращения состава армии можно было получить здоровое ядро, способное не оставлять открытым фронт. Эта мера, полагал Потресов, «вместе с организацией добровольческой армии может дать то ядро, которое в момент перелома в сторону спасения страны в настроениях масс будет способно удержать врага на тех границах, где он сейчас стоит». В заключительном слове на этом заседании он также указал на возвышающее значение общенационального стремления к защите революционной страны: «Только курс национального единения внутри страны, – говорил Потресов, – может дать почву для правильной внешней политики, для спасения страны. В атмосфере большевистского предательства только ясный призыв к защите страны может помочь демократии, может сделать ее последнее героическое усилие примером для будущих поколений»²¹.

Перед разъездом провинциальных делегатов Чрезвычайного съезда для координации «оборонческой» работы на местах и укрепления «оборонцев» в партии 6 декабря было избрано Временное бюро меньшевиков-оборонцев, в состав которого вошли А. Потресов, Б. Батурский, Б. Богданов, К. Гвоздев, Л. Гольдман, Я. Гринцер, И. Дементьев, П. Колокольников, Д. Кольцов, В. Левицкий, М. Либер, Е. Маевский, П. Маслов, А. Шарек, Ф. Юдин, П. Гарви и А. Дюбуа. Последние два были кооптированы самим Бюро. Избрана была в его состав и Софья Зарецкая, но она впоследствии отказалась. На первом же заседании Исполнительного комитета Временного бюро меньшевиков-оборонцев 7 декабря было решено немедленно приступить к изданию еженедельной партийно-политической газеты «Возрождение», а секретарем ее редакции был назначен В. Левицкий (окончательное утверждение состава редакции было отложено до начала Петроградской общегородской конференции меньшевиков-оборонцев)²².

Состоялась эта конференция 9 декабря 1917 г., и на ней был избран Петроградский комитет социал-демократов оборонцев в составе К. Гвоздева, А. Ершова, В. Икова, В. Левицкого, Е. Маевского, М. Мыскова, А. Предтеченского, А. Розенштейна, Н. Чернова и А. Шарека (кандидатами стали М. Брусиловский, А. Владимиров, И. Ефимов, Д. Кольцов и А. Шнеерсон). Кроме того, в комитет должны были войти представители районов Петрограда, а первое его заседание назначено на 12 декабря. На нем председателем Петроградского комитета был избран Николай Чернов, а членами его Бюро помимо Чернова стали В. Левицкий, Е. Маевский и А. Шарек (секретарем выбрали П. Голикова)²³.

20 декабря по поручению меньшинства делегатов Чрезвычайного съезда, воздержавшихся при выборах нового ЦК, Временное бюро меньшевиков-оборонцев выпустило обращение «Ко всем членам РСДРП(о)!» с изложением взглядов на создавшееся в партии положение и с объ-

яснением своего поведения на съезде. За время большевистского переворота в партийных организациях под давлением преобладавших настроений в рабочих массах обнаружился сдвиг в сторону «интернационализма»: «Образовавшийся на съезде так называемый «центр», – читаем мы в обращении, – не выдвинувший никакой самостоятельной политической платформы и прикрывавший своей «нефракционностью» беспринципное приспособление к настроениям масс, увлеченных большевистским переворотом, на практике оказался в плену у «интернационализма». Оказавшиеся благодаря этому на съезде в большинстве «интернационалисты» провели по всем основным вопросам порядка дня резолюции, расходящиеся с тактической линией Майской конференции и Августовского съезда и круто порывающие со всеми традициями меньшевизма». Основной задачей момента в сложившихся тогда обстоятельствах члены Временного бюро считали сплочение всех революционных сил вокруг Учредительного собрания в целях решительной и непримиримой борьбы с «контрреволюционными тенденциями большевизма в его внутренней политике и с его предательскими стремлениями к сепаратному миру в политике внешней»²⁴.

В вопросе о войне и мире «интернационалистское» большинство съезда, по мнению авторов документа, не нашло (и не могло найти в силу своего «циммервальдизма») достаточно мужества, чтобы дать пролетариату России определенный ответ, как нужно было бороться с последствиями того «предательства страны, революции и западноевропейской демократии, каковым является сепаратное перемирие Шнеур – Троцкого, как преддверие сепаратного мира с германским империализмом». Вся эта «половинчатая полубольшевистская тактика», принятая «интернационалистским» большинством съезда, являлась «пагубной и для революции, и для пролетариата, и для социал-демократии»: «Стремление к соглашательству с большевизмом, – указывалось

в обращении, – лишь затягивает ликвидацию большевистской авантюры, усугубляет раскол в рядах оставшейся верной революции демократии и, суживая этим базис революции, ведет все к большей изоляции пролетариата, а стало быть, к его поражению и, вместе с тем, к поражению революции». Поэтому группа делегатов Чрезвычайного съезда, отказавшаяся от участия в выборах ЦК, решила безотлагательно продемонстрировать рабочему классу, что отнюдь «не вся социал-демократия пошла на поводу за большевиками, что в рядах ее есть элементы, оставшиеся верными заветам марксизма», и в целях ослабления вреда, который грозила принести официальная тактика партии, и оздоровления РСДРП(о) «от большевистской и полубольшевистской заразы» образовала Временное бюро меньшевиков-оборонцев. Доводя об этом до сведения всех однопартийцев, разделявших точку зрения меньшинства съезда, авторы документа призвали их сплотить свои ряды для дружной совместной работы, ибо победа, одержанная «интернационалистами» на съезде, не должна была «повергать нас в уныние и не может заставить нас отказаться от активного участия в политической жизни страны»²⁵.

Многочисленные выступления А.Н. Потресова и его единомышленников в 1918 г. за возможно более скорое свержение «диктатуры партии коммунистов над разгромленной и изнасилованной Россией»²⁶ и создание способной на достойное сопротивление внешнему врагу и обеспечение независимости России «настоящей» общенациональной армии в пике искусственно созданной и преимущественно предназначенной для защиты большевистской диктатуры Красной армии, а также за условный союз с Антантой против германского империализма постепенно входили во все более резкое противоречие с курсом официального руководства партии меньшевиков во главе с Ю.О. Мартовым и Ф.И. Даном. Правда, формальный разрыв случился далеко не сразу, и по крайней мере

до лета 1918 г., независимо от своих взаимоотношений с официальными партийными инстанциями, дислоцировавшиеся тогда в Петрограде представители правого меньшевистского крыла оставались частью сначала РСДРП(о), а затем и РСДРП²⁷.

В марте было даже объявлено о самороспуске самостоятельной организации меньшевиков-«оборонцев». В письме их Петроградского комитета своим членам от 14 марта 1918 г. сообщалось: «Общее собрание социал-демократов меньшевиков (оборонцев) г. Петрограда, состоявшееся 10 марта н[ового] ст[иля], приняв во внимание, что в Петрограде произошло формальное объединение членов РСДРП(об), признало необходимым считать самостоятельную организацию оборонцев ликвидированной». Для идейного объединения «оборонцев» в пределах Петроградской организации РСДРП(о) на том же собрании было выбрано Бюро, в состав которого вошли В. Левицкий (33 голоса), П. Голиков (30), А. Владимиров (27), А. Смирнов (21) и Н. Чернов (20). Кандидатами в члены Бюро были также избраны набравшие меньшее число голосов В. Борисенко (19), А. Шнерсон (11), М. Брусиловский (10) и А. Циолковская (8)²⁸. В заключении письма от 14 марта Петроградский комитет предписывал членам распущенной организации зарегистрироваться в районных комитетах РСДРП²⁹.

Тем не менее летом 1918 г. пути «оборонцев» с левоцентристским руководством РСДРП все-таки окончательно разошлись несмотря на звучавшие еще в мае официальные утверждения об ослаблении фракционных разногласий. К примеру, член ЦК партии Борис Горев (Гольдман) в статье, посвященной итогам состоявшегося в мае 1918 г. в Москве Всероссийского совещания при ЦК РСДРП, отмечал с удовлетворением тот факт, что «острые фракционные разногласия, раздиравшие нашу партию до большевистского переворота и резко проявившиеся еще на чрезвычайном ноябрьском съезде, в настоящий момент значительно

сгладились». Особенно же заметным, по мнению Горева, было это отсутствие «серьезных» расхождений между участвовавшими в совещании «интернационалистами» и «оборонцами» именно в вопросе о внешней политике, что не являлось чем-то удивительным, ибо «факт германского завоевания, распад России и угроза превращения ее в колонию, как результаты Брестского мира, сделал наше международное положение ясным до жуткости и соответственно необычайно упростил нашу задачу, **задачу восстановления государственной независимости и единства России** (выделено в документе. – Э.К.)»³⁰.

Выступления А.Н. Потресова и его сторонников за условный союз со странами Антанты в общей борьбе с германским империализмом были одной из главных причин произошедшего в августе 1918 г. раскола в партии. Сравнивая, к примеру, поведение Германии после подписания Брест-Литовского мирного договора с одним из выступлений официальных представителей Англии, Франции и Соединенных Штатов на заседании Мурманского краевого Совета рабочих и крестьянских депутатов, Д. Кольцов приходил в мае 1918 г. к выводу: «Там – продолжение грабежа и разбоя и непрекращающиеся наглые ультиматумы; здесь – обещание добиться справедливого мира для всех союзников бывших и настоящих и торжественное заявление об отсутствии всяких захватных намерений в Сибири или где-либо в другом месте, несмотря на позорную измену «бывших» союзников». О таком же «бережном отношении к России» говорили, с точки зрения Кольцова, и сведения с Дальнего Востока, где англичане высадили свой десант в 50 человек во Владивостоке «с исключительной целью смягчить впечатление японского десанта»: «Они верно учли то обстоятельство, – отмечалось в его статье, – что на почве известного недоверия русских к японцам возможны совершенно нежелательные недоразумения, не оправдываемые обстановкой осложнения. И одновременной

высадкой уничтожили возможность самостоятельных выступлений японцев»³¹.

Так и не найдя общую почву для сближения и корректировки своих позиций после победы большевиков в октябре 1917 года, утонув в бесконечных дискуссиях между лидерами «интернационалистского» и «оборонческого» крыльев меньшевистской партии, она тем самым все более и более ослабляла свое влияние на умы различных слоев населения Советской России и обрекла себя своим расколом в 1918 году на роль бессильной и почти безгласной оппозиции большевистской диктатуре.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Меньшевики в 1917 году. В 3 т. / З. Галили, А. Ненароков, Л. Хеймсон / Т. 3. Меньшевики в 1917 году: От корниловского мятежа до конца декабря. Часть вторая. От Временного Демократического Совета Российской Республики до конца декабря (первая декада октября - конец декабря). М., 1997. С. 285-286.
- ² Богданова Н.Б. Мой отец – меньшевик. СПб., 1994. С. 63.
- ³ Аронсон Г. К истории правого течения среди меньшевиков // Меньшевики после Октябрьской революции. Сборник статей и воспоминаний Б. Николаевского, С. Волина, Г. Аронсона. Ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. Venson, 1990. С. 194.
- ⁴ См.: Меньшевики в 1917 году. Т.3. Часть вторая. С. 324, 546.
- ⁵ Потресов А.Н. Избранное. М., 2002. С. 227.
- ⁶ Там же. С. 227-228.
- ⁷ В статье «Поруганный день», опубликованной в № 32 газеты меньшевиков-«оборонцев» «Новый день» от 18 апреля (1 мая) 1918 г., А.Н. Потресов назвал Октябрьский переворот «военным пронунциаменто», а день 25 октября 1917 г. – «18 брюмера «российского пугачевского коммунизма»» (Там же. С. 256-257).
- ⁸ Там же. С. 228.
- ⁹ Там же. С. 228-229.
- ¹⁰ Николаевский Б.И. Меньшевики в дни октябрьского переворота // Меньшевики. Сост. Ю.Г. Фельштинский. Venson, 1988. С. 133.
- ¹¹ Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Часть вторая. С. 328.
- ¹² См.: Там же. С. 265, 317.
- ¹³ Орган группы меньшевиков-«оборонцев» (К.

- Гвоздев, П. Голиков, И. Дементьев, М. Кефали, А. Смирнов, Ф. Юдин и др.), вышедший в Петрограде с августа 1917 г. по апрель 1918 г.
- ¹⁴ См.: Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 137-138.
- ¹⁵ См.: Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Часть вторая. С. 348, 366.
- ¹⁶ Аронсон Г. Указ. соч. С. 204.
- ¹⁷ Кроме Потресова это были А. Бирик, А. Браун, Д. Глухов, П. Голиков, А. Горнштейн, И. Дементьев, А. Дюбуа, И. Емельянов, М. Иванов, П. Колокольников, Н. Кочергин, М. Либер, П. Маслов, М. Михайлов, Ф. Моравский, М. Мунвез, М. Мысков, А. Распевин, К. Рик, Н. Смирнов и Г. Фукс.
- ¹⁸ Г. Аронсон считал, что именно отказ правых меньшевиков войти на Чрезвычайном съезде в ЦК положил начало «формальному существованию правого течения внутри меньшевизма» (Аронсон Г. Указ. соч. С. 180).
- ¹⁹ См.: Меньшевики в 1917 году. Т.3. Часть вторая. С. 515-516.
- ²⁰ Там же. С. 584.
- ²¹ Там же. С. 522.
- ²² См.: Там же. С. 523, 533-534.
- ²³ См.: Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 139.
- ²⁴ Российский государственный архив социаль-но-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 275. Оп. 1. Д. 167. Л. 1.
- ²⁵ Там же. Л. 2-2об.
- ²⁶ Левицкий В. Заговор или восстание? // Дело. № 14. 19 июля (1 августа) 1918 г. С. 1.
- ²⁷ «Объединенной» партия именовалась до середины апреля 1918 г., когда, согласно решению ЦК, она вновь стала официально называться РСДРП. Это было сделано, отмечалось в специальном постановлении ЦК, принимая во внимание, что в настоящее время она «является единственной всероссийской массовой социал-демократической рабочей партией» и что «именно она все больше и больше охватывает все рабочие организации, стоящие на почве социал-демократии» (Меньшевики в большевистской России. 1918-1924. / Меньшевики в 1918 году / З. Галили, А. Ненароков, Д. Павлов. М., 1999. С. 21).
- ²⁸ В состав членов или кандидатов в члены Бюро почему-то не вошел В. Иков, набравший при выборах 16 голосов (см.: там же. С. 298).
- ²⁹ См.: РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 178. Л. 11.
- ³⁰ Меньшевики в 1918 году. С. 493.
- ³¹ Кольцов Д. Между двумя империализмами // Дело. № 8 (14). 6 (19) мая 1918 г. С. 3.

THE SPLIT OF THE MENSHEVIST PARTY IN 1918

© 2019 E.V. Kostyaev

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov

The article provides a detailed analysis of the fierce discussions between the leaders of the «internationalist» and «defensist» trends of the Menshevik party, which took place before and after the Bolsheviks came to power. The author argues that these discussions seriously prevented the Mensheviks from uniting against Communist dictatorship established at the end of 1917, from occupying a more influential position as a single monolithic structure in the new revolutionary government and, ultimately, led to the final split of Menshevism after that its leaders were doomed to the role of powerless and almost tacit opposition to the Bolshevik rulers.

Keywords: split, RSDLP, Menshevism, internationalism, defensism.